

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 29

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
14 ЮЛЯ

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО.

„Въ Вильгельмсафенѣ произошло семейное торжество Гогенцоллерновъ по поводу дня рождения кронпринца.“ (Изъ газетъ.)

Рис. Ре-ми.

и.р. 162 -

— Какъ тебѣ удалось ихъ всѣхъ собрать?
Вильгельмъ II: — А ты посмотри, какое меню ужина я имъ пообѣщаль!

НА АВСТРИЙСКОМЪ ФРОНТЪ.

Генераль: — Неужели же вы их не можете удержать!?

Офицеръ-спортсменъ: — Что? Удерживать, когда они пробѣгаютъ $\frac{1}{2}$ километра въ минуту? Да, вѣдь это предѣльный рекордъ скорости!

ВНИЗЪ ПО ВОЛГЪ...

Путевыя записки Аркадія Аверченко.

Волжскимъ пароходомъ называется посудина, имѣющая видъ коробки. Все стремленіе этой коробки направлено къ тому, чтобы на мелкомъ мѣстѣ сѣсть на мель, а на глубокомъ—утонуть. Для того, чтобы не дать возможности посудинѣ исполнить это безхитростное намѣреніе—на нее усаживаютъ, такъ называемаго «капитана». Почувявъ на своей спинѣ опытнаго сѣдока, капризное животное успокаивается, притихаетъ и дѣлается совсѣмъ ручнымъ. И только изрѣдка, усыпивъ своимъ мирнымъ видомъ бдительность капитана, пароходъ выберетъ ночь потемнѣе, подберется бочкомъ къ первой попавшейся мели и усядется на нее такъ прочно, что его приходится при помощи другого парохода тащить за шиворотъ, осыпая крупной бранью и оскорбленіями.

У волжскаго парохода есть свои вкусы, привычки и манера держать себя. У него установилась своя мода—тонуть только ночью; ночь онъ выбираетъ обязательно безлунную. Вѣроятно, при свѣтѣ ему трудно смотрѣть въ глаза доврчивымъ пассажирамъ...

Онъ очень общителенъ: что можетъ быть шире Волги? Даже и говорятъ такъ: «широкая Волга»... Кажется, при такомъ просторѣ не два парохода могутъ свободно разойтись, не зацѣпивъ другъ друга, а двадцать... Однако, нѣтъ. Стоитъ только волжскому пароходу завидѣть коллегу, идущаго напротивъ, какъ онъ радостно вспыхиваетъ всѣми огнями и торопится облобызать коллегу—носомъ, бокомъ, вообще, чѣмъ можно. Капитану стоитъ большого труда отговорить его.

И если другой пароходъ прошмыгнулъ мимо благополучно—нашъ сразу тускнѣетъ, огни его тухнуть, и снова онъ буднично ползетъ, похлопывая лопастями колесъ и попыхивая своей трубочкой.

* * *

Насколько я могъ замѣтить, всѣ капитаны волжскихъ пароходовъ панически боятся сѣсть на мель.

Мое мнѣніе таково, что въ этомъ случаѣ играетъ роль неблагоустройство парохода. Конечно, я не инженеръ и не механикъ, но, призвавъ на помощь свой здравый смыслъ, смѣло могу утверждать, что мель—это предразсудокъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто видѣлъ волжскій пароходъ, тотъ замѣтилъ по бокамъ его два огромныхъ колеса. Я утверждаю, что этимъ половина дѣла сдѣлана. Нужно только придѣлать еще два колеса, и пароходу тогда всякая мель такъ же страшна, какъ мостовая извозчицей пролеткѣ... Ясно: по глубокому мѣсту онъ можетъ плыть такъ же, какъ и теперь, а захавъ на мель, онъ просто пробѣдетъ ее своими четырьмя колесами и какъ ни въ чемъ не бывало поплыветъ дальше. Это нововведеніе можетъ быть полезно также и при потопленіи парохода. Если капитанъ сумѣетъ продержаться нѣсколько минутъ подъ водой—онъ легко можетъ по дну выѣхать на мелкое мѣсто и, обсушивъ удивленныхъ пассажировъ, поплыть дальше, краснѣя отъ комплиментовъ, которыми его осыпаютъ спасенные.

Не буду распространяться о другихъ удобствахъ (глубо-

кія мѣста можно просто объѣзжать берегомъ, на остановкахъ ввозить пассажировъ прямо на главную улицу города и т. д.). Однимъ словомъ, мое дѣло дать идею, мысль. Остальное—работа корабельныхъ инженеровъ и экипажныхъ мастерскихъ.

* * *

А пока—такъ и приходится плавать въ этихъ неусовершенствованныхъ, невоспитанныхъ коробкахъ. Дисциплины у волжскаго парохода никакой. Всякій долженъ понять, что если капитанъ хочетъ пристать къ какому-нибудь городу—значитъ, такъ надо. Но пароходъ этого понять не хочетъ. Попробуйте подвести его къ пристани—Боже мой, какой визгъ, скрипъ и стонъ онъ поднимаетъ. Поглядите тогда на испуганное, встревоженное лицо помощника капитана, стоящаго на мостикѣ...

Пристаетъ пароходъ къ пристанямъ въ день раза четыре; кажется—можно привыкнуть. Однако, нѣтъ. Команда при каждомъ причаливаніи держитъ себя такъ, будто она команда Каравеллы Колумба, впервые пристающей къ дикому неизслѣдованному берегу Америки.

* * *

Хотя на каждомъ пароходѣ у самага борта и висятъ на стѣнѣ пепельницы съ категорической надписью: «бросайте окурки не за бортъ, а сюда», однако, волжская вода такъ грязна, будто соръ всего міра ссыпался тысячу лѣтъ въ волжскія струи.

Недоумѣваю, почему это. Я своими глазами видѣлъ, какъ всѣ курильщики складывали окурки только въ пепельницы, какъ аккуратный пассажиръ стряхивалъ пыль съ пальто не въ Волгу, а на своихъ сосѣдей, какъ пожилой купецъ, прочтя нижегородскую газету «Мининъ», не выбросилъ ее за бортъ, а, сложивъ, сунулъ въ карманъ, какъ одна дама, разставаясь съ молодымъ господиномъ, плакала не въ Волгу, а въ жилетъ этому молодому господину, какъ маленькій мальчикъ, рѣзвясь у борта, сплюнулъ не въ Волгу, а на голову бабы, высунувшейся съ кормы въ нижнемъ этажѣ парохода—все это я самъ видѣлъ, и, все-таки, нѣтъ ничего грязнѣе волжской воды.

Когда я заказалъ себѣ на пароходѣ ванну и матросъ подвелъ меня къ гигантской эмалированной чернильницѣ, наполненной темной жидкостью, я нерѣшительно замаялся и тихо спросилъ:

- Скажите, что это за комнатка?
- Это ванная, господинъ.
- Уютная. А купаться... гдѣ же?
- Вотъ тутъ.
- Вотъ тутъ?
- Здѣсь вотъ.
- Раздѣться и сѣсть сюда?
- Ну, да!

Въ голосѣ матроса звучало такое неподдѣльное удивленіе, что я подумалъ:

— Эге! Тутъ, вѣроятно, двѣ ванны: одна лѣчебная, грязевая, а другая ужъ настоящая, свѣтлая. Какъ говорится: что городъ, то норовъ.

Медленно раздѣлся, зажмурилъ глаза и минутъ на пять погрязъ въ ваннѣ.

— Бррр! Готово. Эй, матросъ!

— Чего изволите?

— Ванну мнѣ.

— Еще одну?

Ну, а какъ же ты думалъ. Я вѣдь очень грязный.

— Гдѣ это вы такъ?

Матросъ брезгливо покосился на меня и сталъ готовить новую ванну.

— Послушай, братецъ... Что жъ ты дѣлаешь? Я тебя изъ воды ванну просилъ, а ты...

— Такъ точно. Онѣ, ванна эта, изъ воды.

— Да вѣдь это черная грязь; а мнѣ помыться надо. Понялъ?

— Такъ точно. Вы уже и помылись.

— Дорогой другъ, — кротко сказалъ я. — Если чело-

вѣкъ тонетъ, то ему бросаютъ спасательный кругъ, не чугунный или мѣдный, а — пробковый. Если я въ дорогѣ немного запылится, то меня нужно отмывать не грязью, а обыкновенной человѣческой водой. Ну, что я теперь буду дѣлать, посуди самъ?

— Смыть-то оно, конечно, можно.

— Чѣмъ?!!

— А вотъ... этой водицей.

Получился проклятый заколдованный кругъ...

— Достань мнѣ гдѣ-нибудь одеколону, — скомандовалъ я.

— И рюмочку прикажете?

Дикіе люди плаваютъ по Волгѣ.

* * *

Чай и кофе на волжскомъ пароходѣ можно различить не по цвѣту или вкусу, а по счету — кофе на двугривенный дорожке.

Какъ-то я заказалъ себѣ уху изъ стерляди. Когда мнѣ подали тарелку прозрачной янтарной жидкости, въ кото-

Рис. Сергѣя Судейкина.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА.

— Ахъ, какъ жестоки люди, идущіе противъ роскоши. Что бы стали дѣлать всѣ эти бѣдняки безъ нея?

(ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ НАЙДЕННЫЯ НА ПЛѢННЫХЪ И НА ТРУПАХЪ ПАВШИХЪ У ВЕРДЕНА ГЕРМАНЦЕВЪ.)

„Шарлоттенбургъ, 29 декабря... Онѣ (нѣсколько сотъ женщинъ) стоятъ въ хвостѣ съ полудня, онѣ дохнутъ съ голоду, мерзнутъ, заболѣваютъ, падаютъ въ обморокъ, дерутся, бьютъ другъ друга по физиономіи своими сѣтками (принесенными для провизіи). Въ Берлинѣ двѣ или три недѣли тому назадъ, онѣ направились ко дворцу, крича, что онѣ хотятъ ѣсть, хотятъ, чтобы вернулись ихъ мужья. Нѣкоторыя изъ нихъ были арестованы. Онѣ вездѣ бьютъ стекла“.

„Берлинъ, 10 декабря... Въ Германіи больше нѣтъ масла. Въ Обершвеневерде, въ одну субботу шесть молочныхъ лавокъ было взято приступомъ, все было разгромлено, варенье и сыръ были расхищены... Улицы были полны народа. Жандармы не могли поддержать порядокъ; одинъ изъ нихъ произнесъ рѣчь, въ которой, высказавъ, что теперь не время для войны между нѣмцами, что народъ долженъ нести жертвы, чтобы сокрушить планы англичанъ, стремящихся насъ уморить голодомъ. Тогда жандарма избили такъ, что пришлось его унести на носилкахъ. Конные полицейскіе прибыли изъ Берлина и обнажили оружіе“.

Солдаты С., 203-го полка пишутъ:

„Во Франціи, 15 апрѣля. Ты не можешь себя представить, до какой степени меня иногда охватываетъ отвращеніе къ жизни. Здѣсь у насъ нѣтъ покоя до той минуты, пока мы не уткнемся носомъ въ грязь. Смѣшно читать въ газетахъ про нашихъ дорогихъ солдатъ (Feldгауен).

Если бы вы знали, какимъ испытаніямъ ихъ подвергаютъ, и какъ въдобавокъ ихъ изводятъ, васъ бы не угощали подобными исторіями.

Вчера еще была отвратительная погода, и мы промокли до костей. И тогда сказали: почему они сегодня не поютъ? И въ нашемъ бѣдственномъ положеніи намъ еще пришлось распѣвать пѣсни“.

„Лейпцигъ, 14 декабря. Дорогой сынъ, скоро наступаетъ Рождество, а всѣ наши надежды на миръ и на луч-

шія времена все еще неопредѣленны и неясны. Насколько мы можемъ судить, наши дѣла идутъ все хуже. Но въ рейхстагѣ и въ газетахъ хотятъ пустить пыль въ глаза

Все время говорятъ, что у насъ достаточно жизненныхъ припасовъ, и что англичанамъ не удастся взять насъ изморомъ. Люди съ деньгами, конечно, могутъ держаться

Рис. Ре-ми.

Вильгельмъ II. — Скорѣй, скорѣй! За тобой остановка, мой народъ! Супъ вышелъ на славу, не хватаетъ только лавровъ для вкуса.

угодно, какъ бы оно ни было скандально, — разъ ты ничего измѣнить не можешь. На твоемъ мѣстѣ я показала бы свои израненныя руки офицеру: вѣдь надо же ему дать тебѣ отпущкъ, пока онѣ не поправятся, потому что эти ужасные унтеръ-офицеры не имѣютъ же права сдирать съ людей шкуру“.

„Въ Германіи нѣтъ больше картофеля. Мы должны ѣсть то, что раньше давали свиньямъ“. „Каждый день мы вынуждены ѣсть хлѣбъ съ вареньемъ и компотомъ. Въ концѣ концовъ, мы сами превратимся въ компотъ и варенье“. „Продукты исчезаютъ одинъ за другимъ, скоро больше ничего не будетъ и тогда будетъ конецъ“. „Теперь надо воевать изъ-за сахара и изъ за масла, а когда попадешь въ лавку, то оказывается, что больше нѣтъ ничего“.

„Вейнбургъ (Пруссія), 18 сентября 1915. Дорогой мой Вилли, твое послѣднее письмо меня крайне взволновало. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ дошелъ до такого положенія, что думаешь о самоубійствѣ?.. Правда, что то обращеніе, которому ты подвергаешься, насколько недостойно и унижительно для мужчины, настолько жестоко и грубо, что я готова пожелать тебѣ поскорѣе отправиться въ окопы и освободиться такимъ образомъ отъ твоихъ палачей. Дорогой мой, не принимай всего такъ близко къ сердцу... Пусть гг. офицеры дѣлаютъ все, что имъ

рой мирно свернулась стерлядь, я умилился — такое у нея было благодушное довольное лицо.

И немудрено: послѣ плаванья въ зловонной грязной бурдѣ чистая золотистая уха — пристань, которой всякій позавидуетъ. Всякая стерлядь, какъ говорится, хотѣла бы быть на ея мѣстѣ, но не всякой это удается.

Читатель, можетъ быть, подумаетъ, что я, описывая волжскую воду, сгущаю краски... А будетъ ли и дальше сомнѣваться читатель, если я ему скажу, что эти путевыя замѣтки я пишу, макая перо въ обыкновенную волжскую воду, зачерпнутую мною у астраханской пристани.

Если читатель усмотритъ нѣкоторую водянистость въ моихъ путевыхъ замѣткахъ — это можно объяснить свойствомъ моихъ чернилъ; если же читатель водянистости не усмотритъ — тѣмъ лучше. Еще одно доказательство густоты и черноты волжской воды...

Поневоля является вопросъ: не потому ли Волга и впадаетъ въ Черное море? И не потому ли это море «черное», что въ него впадаетъ Волга?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Арк. Аверченко.

НЕРАЗСКАЗАННОЕ.

Отъ вашего голоса пахнетъ духами;
Въ немъ — пьяный порывъ обнимающихъ рукъ.
Вы точно звѣрекъ, со своими мѣхами,
Мой милый, капризный и ласковый другъ.

Да — другъ и не больше. Отравленный ядомъ
Когда-то плававшихъ сближений и встрѣчъ,
Я просто усталъ... И цѣлую васъ взглядомъ,
Который нарочно не хочетъ зажечь.

Вы новаго мнѣ ничего не дадите;
Я знаю похмѣлье угарныхъ минутъ —
Зачѣмъ же намъ рвать эти нѣжныя нити,
Что насъ такъ свѣтло и красиво влекутъ.

Не надо. Позвольте быть нѣжнымъ ребенкомъ,
Еще не разбившимъ святое святыхъ,
Позвольте притронуться къ вашимъ гребенкамъ,
Къ перчаткамъ — а послѣ томиться о нихъ.

Позвольте писать вамъ простыя записки,
Наивныя строки дрожащей рукой,
Считать васъ чужой, но понятной и близкой,
Беречь вашъ увядшій и милый левкой.

Позвольте смущаться отъ вашихъ улыбокъ,
Краснѣть отъ того, что не станешь инымъ,
Надѣлать, ревнуя, досадныхъ ошибокъ
И въ эти минуты казаться смѣшнымъ...

Другого — не надо. Разъ солнце въ зенитѣ,
Кто станетъ о ночи грѣховной грустить?
Поэтому я и прошу васъ: поймите,
Мнѣ хочется просто и нѣжно любить...

Арк. Буховъ.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ записной книжки.)

15.

Тумба.

Очень нуждающийся молодой человекъ, бывший акробатъ, выкралъ въ биллиардной изъ чьего-то пиджака, висѣвшаго на стѣнѣ, бумажникъ. Онъ успѣлъ благополучно добраться до дверей, какъ кража была замѣчена, и на вора обратили вниманіе. Воръ пустился бѣжать. Сначала по кори

дору въ кухню кондитерской, затѣмъ по черной лѣстницѣ на чердакъ, а съ чердака взобрался на крышу.

Началась погоня. За нимъ неслись биллиардные игроки съ киями, лакеи, повара. Одинъ — наиболѣе свирѣпый — неся съ ножомъ въ рукахъ, и воръ почувствовалъ, что пришло время показать небывалые акробатическіе трюки. Иначе плохо будетъ.

И показалъ: съ одной крыши онъ съ полтора-саженной высоты соскочилъ на другую, съ другой — черезъ широкій промежутокъ между домами прыгнулъ на третью, а съ этой третьей по водосточной трубѣ спустился на какой-то пустынный дворъ и выбѣжалъ на улицу, чтобы исчезнуть въ толпѣ.

Однако, настойчивость погони была такъ же необычайна, какъ и ловкость вора. За нимъ гнались и по крышамъ и по дворамъ и поджидали у тѣхъ домовъ, съ которыхъ онъ могъ спуститься.

И очутившись на улицѣ, воръ, дѣйствительно, увидѣлъ вдали бѣгущую группу людей.

Пришлось побѣжать по обыкновенному, какъ бѣгутъ всѣ воры. Побѣжалъ. Бѣжалъ быстро. Миновалъ нѣсколько домовъ и добѣжалъ до какого-то строящагося дома. Онъ задыхался. Передъ глазами прыгали зеленые и золотыя искры, но — бѣжалъ. Нужно было бѣжать! Тротуаръ возлѣ строящагося дома былъ досчатый и выдавался на мостовую. Воръ побѣжалъ по доскамъ. Когда досчатый тротуаръ кончился, онъ повернулъ на обыкновенный каменный, и тутъ произошло слѣдующее.

Воръ наткнулся на тумбу. Сильно ударился колѣномъ, упалъ, потерялъ сознание, очнулся, опять упалъ и, крича отъ нѣвероятной, ужасной боли, былъ настигнутъ и задержанъ.

Стоня, онъ слышалъ оживленный говоръ толпы, обсуждавшей его необычайную ловкость и даже восхищавшейся ею, но онъ рвался изъ десятковъ рукъ съ одной только цѣлью: посмотреть на тумбу.

И добился. Посмотрѣлъ. Внимательнымъ, страдающимъ, умнымъ взглядомъ.

Это была обыкновенная, черная, стоящая чуть-чуть вкривь, желѣзная тупая тумба.

Прошло много лѣтъ. Воровское приключеніе бывшего акробата стало далекимъ и смутнымъ воспоминаніемъ его юности. Воръ превратился въ плотнаго, дѣловитаго мѣщанина, имѣвшаго постепенно — лавку, потомъ складъ дровъ, потомъ гостиницу, много торговавшаго и пользовавшагося среди обывателей уваженіемъ. Никто не зналъ его пестренькаго прошлаго, да и самъ онъ почти забылъ о своемъ случайномъ воровствѣ, какъ и объ акробатизмѣ.

Но тумба, какъ живая, стояла въ его сознаниі. Черная, твердая, желѣзная, тупая. Она вошла въ его душу, когда онъ ударился объ нее, а затѣмъ безпрестанно думалъ о ней всюду: на судѣ, въ тюрьмѣ, на свободѣ, во время честной жизни, на своей свадьбѣ, въ своей лавкѣ, на складѣ дровъ, въ гостиницѣ, когда игралъ въ карты, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и даже когда ходилъ молиться въ церковь...

Она стояла передъ нимъ — твердая, черная, простая и непонятная, неумолимая, желѣзная.

Онъ боялся ея и не понималъ ея. И бессознательно руководился ею въ жизни.

Тумба стала его мировоззрѣніемъ.

Ефимъ Зозуля.

Рис. Миссъ.

ЧУЖОЙ ОПЫТЪ.

(Вродѣ разсказа.)

I.

Въ Вашингтонѣ жилъ одинъ старый негръ Фибъ. Онъ былъ очень старый, очень умный и очень опытный. Къ нему приходили совѣтоваться молодые негры изо всѣхъ штатовъ, и каждому онъ давалъ указаніе, какъ ему поступить.

И ни въ одно время не было столько несчастныхъ молодыхъ негровъ, которые ходили по городамъ, громко плакали и охотно разставались съ жизнью, какъ во времена Фиба.

Однажды къ Фибу пришелъ молодой Вилли Бай изъ Кентукки, славившійся своей неопытностью, и попросилъ совѣта.

— Что мнѣ дѣлать, Фибъ. Меня полюбила одна бѣлая миссъ. Она приходитъ ко мнѣ по вечерамъ къ садовой калиткѣ, гладитъ меня по волосамъ и зоветъ милымъ. Ее зовутъ Кларой. У нея голубые глаза и черныя брови.

— Бѣлая миссъ не можетъ любить негра, — подумавъ, сказалъ Фибъ, — особенно такого идиота, какъ ты.

— А она говоритъ, что любить, — стоялъ на своемъ Вилли Бай.

— Каждая бѣлая миссъ, полюбившая негра, скоро ему измѣнитъ. Кромѣ того, она вообще шутитъ.

— Она даетъ честное слово.

— Пробовалъ ли ты попросить у нея хоть одинъ долларъ на удовольствіе?

— Она сама мнѣ присылаетъ со своимъ лакеемъ по два фунта въ недѣлю.

— Ты, очевидно, врешь, — обидѣлся старый Фибъ, — бѣлая миссъ съ голубыми глазами никогда не станетъ такъ возиться съ паршивымъ негромъ. Особенно, если у нея еще есть лакей и стерлинги.

— А почему ты знаешь? — разстроено спросилъ Бай, у котораго сжалась душа отъ неумолимой пытки Фиба.

— Я это знаю по опыту. Бѣлые не любятъ черныхъ. И наоборотъ.

— А я ее тоже люблю, — еще грустнѣе прошепталъ Вилли Бай, — но если ты поворишь, что бѣлая миссъ не можетъ любить меня, я долженъ вѣрить твоему опыту. Ты старъ и уменъ.

— Это вѣрно, — согласился Фибъ, — лучше уйди отъ грѣха. Все равно стоитъ тебѣ какъ слѣдуетъ влюбиться, твоя Клара велитъ тебя высѣчь, а сама выйдетъ замужъ за молодого мистера, который тоже тебя велитъ высѣчь.

— Это ты тоже говоришь по опыту?

— Опытъ выше всего, Бай. Иди и слушайся.

— Противъ опыта не пойдешь, — съ болью въ сердцѣ согласился Вилли, — пойду выясню ей положеніе вещей.

II.

Когда наступилъ вечеръ, Вилли подошелъ къ садовой калиткѣ. Около нея уже стояла Клара, въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпѣ. Отъ нея такъ хорошо пахло духами, руки ея были такія нѣжныя и мягкія, а голосъ такой ласковый, что у Вилли Бай къ горлу подступили слезы.

— Пройдетъ три мѣсяца и миссъ велитъ меня высѣчь, — прямо приступилъ онъ къ дѣлу.

— Почему ты такъ думаешь, Вилли? — съ изумленіемъ спросила Клара.

— Такъ дѣлаютъ всѣ бѣлыя миссъ съ неграми, — рѣшительно отозвался Вилли.

— Я же тебя люблю, Вилли.

— Бѣлые не любятъ черныхъ.

— А ты, Вилли? — тихо спросила Клара.

— Я люблю, — съ горечью кинулъ Бай, — но и негры не могутъ любить бѣлыхъ миссъ.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Фибъ. Это такой старый негръ, котораго всѣ уважаютъ за опытность. Онъ очень опытный и умный. Его всѣ слушаются.

— А ты?

— Я тоже долженъ слушаться его. У меня нѣтъ собственнаго опыта, а у Фиба его хватить на два торговыхъ города. Кромѣ того, когда миссъ выйдетъ замужъ черезъ три мѣсяца, ея молодой мужъ въ свободное время велитъ высѣчь Вилли.

— Фибъ сказалъ?

— Фибъ.

Наступило молчаніе. Кларѣ очень хотѣлось погладить

Вилли по жесткимъ волосамъ, а ему тихо поцѣловать ея руку. Но онъ сдержался и сталъ плакать.

— Почему ты плачешь? — спросила Клара.

— Я плачу потому, что бѣлая миссъ не можетъ любить негра.

— Я же люблю тебя, Вилли, — горячо шепнула Клара.

— Тогда еще хуже, — душу раздирающимъ стономъ вырвалась у Вилли, — тогда я не люблю тебя, потому что негры не могутъ любить бѣлыхъ миссъ.

— Значитъ, ты меня не любишь? — поблѣднѣвъ, спросила Клара.

Вилли сталъ плакать громче.

— Очень люблю, но Фибъ по опыту знаетъ, что этого не случается. Старый опытный человекъ не можетъ ошибаться.

— Подумай, Вилли... Вѣдь мы же любимъ другъ друга...

— Ахъ, что изъ этого, — безнадежно махнулъ рукой Вилли Бай, — а Фибъ знаетъ по опыту, что это невозможно...

Свиданіе окончилось внезапно. Вилли Бай убѣжалъ домой, упалъ на полъ своей комнатенки и бился головой отъ невыразимой горечи, что бѣлые не могутъ любить черныхъ, и наоборотъ. Клара осталась на мѣстѣ и долго стояла, стиснувъ отъ душевной боли зубы. Она любила.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вилли Бай избѣгалъ встрѣчи съ Кларой. Онъ очень похудѣлъ, бросилъ всякую работу, кралъ овощи съ огородовъ, а ночью сидѣлъ на опушкѣ лѣса и плакалъ до восхода солнца.

Клара двѣ недѣли хворала острымъ разстройствомъ нервовъ и не показывалась на улицахъ. Приблизительно черезъ полгода она поѣхала кататься на лодкѣ, выпала въ воду и ее спасъ Бобъ Суммей, бывший пріятель Вилли Бай, отчаянный негръ, который слонялся въ штатѣ изъ города въ городъ и занимался грабежомъ.

— Клара очень мнѣ благодарна, — хвастался онъ вскорѣ послѣ этой исторіи, встрѣтившись съ Вилли, — она, по видимому, любитъ негровъ. Она мнѣ часто рассказываетъ о какомъ-то негрѣ, который ей очень нравится, но который оказался идиотомъ.

Вилли Бай опустилъ глаза и хмуро пробормоталъ:

— Этотъ негръ зналъ, очевидно, по опыту, что бѣлая миссъ не можетъ любить черныхъ бездѣльниковъ.

— Очевидно, это былъ очень глупый челвокъ, Бай. Я не далъ бы за мозги его двухъ пенсовъ.

— А къ тебѣ миссъ Клара хорошо относится? — тревожно спросилъ Бай.

— Очень. Не каждый день ей спасаютъ жизнь.

— А Фибъ вотъ говоритъ, — еще обиженнѣе проговорилъ Вилли, — что бѣлая миссъ... Ты совѣтовался съ Фибомъ?

— Однажды. Кстати, во время совѣта я стащилъ у него большой кожаный портсигаръ и очень испугался, что онъ замѣтитъ. Когда я навелъ его на эту тему, онъ сказалъ, что по личному опыту знаетъ, что молодой неопытный негръ никогда не допуститъ себя до кражи портсигара у стараго опытнаго челвока, къ которому пришелъ за совѣтомъ. Я ушелъ отъ него веселый.

IV.

Прошелъ еще годъ, и Вилли Бай получилъ отъ Боба Суммей коротенькую записку черезъ одного дровосѣка:

«Вилли! Я дамъ тебѣ на сохраненіе свои клѣтчатыя штаны. Можешь ихъ носить самъ. Я теперь въ Европѣ, вмѣстѣ съ миссъ Кларой, которая меня, по видимому, любитъ и даже нѣжно называетъ Вилли. Я нѣсколько разъ говорилъ ей, что такъ зовутъ тебя; при твоёмъ имени она становилась грустной и вздыхала. Должно быть, это ты въ прошломъ году убилъ у нея рыжую любимую кошку, иначе почему ей быть грустной при воспоминаніи о тебѣ. Трубку, которую я взялъ у тебя въ залогъ за штаны — выбросилъ. Нужны тебѣ сигары? Бѣлыя женщины очень ласковы и нѣжны. Увидишь Фиба, скажи ему, что онъ — осель. Специально для этого ѣздить въ Вашингтонъ не надо.

Бобъ Суммей».

V.

Вилли Бай не послушался этого совѣта и специально поѣхалъ въ Вашингтонъ.

— Фибу, я пріѣхалъ къ тебѣ. Фибу! Меня любила бѣлая миссъ. У нея синіе глаза, черныя брови и красивыя руки.

— Бѣлая миссъ не можетъ любить негра. Я знаю это по опыту.

— Фибу, это не все! Теперь миссъ взяла съ собой въ Европу моего бывшего пріятеля мошенника Боба Суммей и любить его.

— Я знаю по опыту...

— Фибу... Ты все еще даешь совѣты неопытнымъ людямъ?

— Даю. Ко мнѣ приходятъ очень много молодыхъ негровъ, которые...

Вилли Бай былъ очень сильный мужчина, и Фибу даже не успѣлъ крикнуть. Хоронили его въ среду, а черезъ мѣсяцъ Вилли Бай уже былъ своимъ человѣкомъ на каторжныхъ работахъ.

Летѣли годы, Бай старился и пріобрѣлъ собственный опытъ. Къ нему, какъ когда-то къ Фибу, приходили за совѣтомъ молодые каторжники. И болѣе всѣхъ надоѣдалъ веселый Веніаминъ Чизъ, большой охотникъ до женщинъ. Однажды онъ присталъ къ Баю.

— Бай! Во мнѣ кипитъ кровь отъ бѣлой дочери нашего зрителя, но она всегда ходитъ съ палкой и по праздникамъ, когда я свободенъ, любить кидать въ меня камнями.

— По собственному опыту я знаю, — отвѣтилъ Бай, — что бѣлая очень любитъ черныхъ. И наоборотъ. Иди и добивайся.

Веніаминъ Чизъ былъ неопытный экспансивный негръ, а Бай уже старый и опытный. Онъ пошелъ и сталъ добиваться. Черезъ четыре дня зритель, обидѣвшись за дочь, застрѣлилъ его изъ дробового ружья. Вилли Бай слышалъ выстрѣлъ и подумалъ, что это зритель стрѣляетъ вверхъ холостыми зарядами отъ радости, что его дочери попался хороший, работающій негръ.

Когда ему принесли шляпу покойнаго уже Веніамина Чиса и рассказали въ чемъ дѣло, Вилли улыбнулся иронической улыбкой, покачалъ сѣдыми кудрями и убѣжденно сказалъ.

— Пойдите вы къ чорту со своими враками. Развѣ это могло случиться? Я по собственному опыту знаю, что бѣлая миссъ очень любитъ молодыхъ негровъ. И наоборотъ.

Сейчасъ я почему-то вспомнилъ о себѣ.

Много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ голодающимъ студентомъ, въ рваныхъ брюкахъ, со скомканной трехрублевкой въ одномъ карманѣ и съ ужасающимъ запасомъ искреннихъ и скверныхъ лирическихъ стиховъ — въ другомъ, на жизненномъ пути мнѣ неожиданно встрѣтилась одна женщина.

Она была похожа на миссъ Клару. У нея были тоже большіе синіе глаза темно-пепельныя брови и такіе же волосы.

Я занесъ ей по порученію одного знакомаго какую-то книгу. Она была одна и оставила меня пить чай. Я сконфузился и хотѣлъ уйти, но у нея былъ такой ласковый, нѣжный и женственный голосъ, а я усталъ отъ постоянныхъ голодовокъ и холодности женщинъ, которыхъ останавливала отъ близости со мной бахрама на брюкахъ.

Въ этотъ вечеръ мнѣ было очень хорошо.

Когда она говорила что-нибудь ласково, казалось, что она не говорила, а вполголоса пѣла — столько музыки было скрыто въ этой нѣжной женщинѣ.

Часовъ въ десять за ней пріѣхалъ автомобиль. Я еще больше сконфузился и сталъ торопливо прощаться.

— Вы еще заходите... Позвоните и приходите прямо, — сказала она. — Обѣщаете?..

— Обѣщаю...

Все равно я не думалъ приходить. Такъ, навѣрное, изъ любезности зоветъ.

Дня черезъ три получилъ записку, чтобы пришелъ. Пришелъ. Снова сидимъ и разговариваемъ. Повидимому ей было пріятно, что я здѣсь, а у меня было все время такое чувство: подойти къ ней, стать на колѣни, положить голову къ ней на руки и плакать отъ сознанія, что она чужая, кому-то принадлежащая...

Когда я сталъ ходить къ ней чаще, ко мнѣ пришелъ одинъ товарищъ, человѣкъ очень опытный, обольстившій не одну провинціалку и страдавшій, вѣрнѣе скрывавшій неизлѣчиму ю болѣзнь, который любитъ заниматься газетными обьявленіями.

Рис. А. Радакова.

— Твоя Нини Сергѣевна кокотка, а ты слюни распускаешь.

Я убито посмотрѣлъ на него.

— Почему ты знаешь...

— Еще спрашивать будешь... Да такая женщина за двадцать пять рублей... Потомъ тебя обирать будетъ. Развѣ кокотки могутъ любить?..

Я былъ очень неопытенъ и не зналъ, могутъ ли любить кокотки. Этотъ человѣкъ, навѣрное, знаетъ лучше.

— Сидить, навѣрное, безъ ангажемента, бросилъ ее какой-нибудь купчина, вотъ и пускаетъ тебя къ себѣ... А потомъ вышвернетъ, да еще купецъ тебѣ сто рублей отступного пришлетъ...

Я представилъ себѣ эту сцену, и въ душѣ что-то застонало. Цѣлую ночь я сидѣлъ на постели, сжималъ голову руками и грызъ губы до крови. Мнѣ было очень больно. Очень. На другой день я не пошелъ къ Нинѣ Сергѣевнѣ. Сидѣлъ дома и ждалъ, чтобы только скорѣе прошло время, когда уже нельзя будетъ выбѣжать и пойти. Страшно, еще больше, чѣмъ прежде хотѣлось увидѣть ее.

Ночью зашелъ къ пріятелю, жившему рядомъ и пошли въ какой-то сосѣдній кабакъ.

Я жилъ, какъ животное, до потери сознанія и въ пьяномъ видѣ кричалъ о томъ, чѣмъ болѣла душа. Я старался отдѣлаться отъ боли, ругая самыми грязными словами Нину Сергѣевну, говорилъ о ней гадости, до которыхъ только могъ додуматься.

Ей передали. Кто — не знаю. Я получилъ отъ нея записку, которая до сихъ поръ хранится у меня. Маленькая, зеленая бумага и простыя слова, жгучѣе которыхъ я не читалъ за цѣлую жизнь.

«Мнѣ рассказали. Какъ это нехорошо. Вѣдь я такъ привязалась къ вамъ. Прощайте.

Н.

Въ этотъ вечеръ я побѣжалъ къ ней. Ея не было дома, а утромъ она уѣхала. Кажется на югъ. Встрѣтилъ я ее только года черезъ четыре и тогда еще у меня при этой встрѣчѣ что-то сразу оборвалось въ душѣ, а Нина Сергѣевна густо покраснѣла, и я видѣлъ, какъ она, обернувшись вслѣдъ за мной, долго смотрѣла на меня своими милыми синими глазами.

Потрепанный, пропитанный грязью человѣкъ, отнял у меня своей опытностью, быть можетъ, лучший годъ, или два, которые такъ рѣдко посылаетъ жизнь. Я не сдѣлалъ такъ, какъ поступилъ Вилли Бай съ опытнымъ Фибомъ, съ этимъ человѣкомъ. И знаю почему.

Потому-что когда мнѣ будетъ лѣтъ пятьдесятъ, придетъ ко мнѣ какой-нибудь безусый розовый юноша и смущаясь расскажетъ.

— Вы знаете... Я сошелся съ одной дѣвушкой. Она пѣвица... Даже не пѣвица... Въ шантанѣ... Мнѣ она очень нравится... И меня мучитъ одинъ вопросъ... Могутъ ли любить такія женщины? Какъ вы думаете?

Я посмотрю на него, ласково пожму ему руку и скажу:

— Можетъ. Я по опыту знаю, что можетъ... У этихъ женщинъ бывають удивительно нѣжныя души... Не бросайте ее, гордитесь тѣмъ, что васъ любитъ женщина, о которой говорятъ столько...

Юноша уйдетъ обрадованный. Черезъ два-три мѣсяца онъ будетъ занимать у всѣхъ деньги на шляпки своей пѣвицѣ, разойдется съ родителями и сдѣлается биллиарднымъ шуллеромъ, чтобы каждый день можно было бѣгать въ шантанъ и носить ей деньги, которыя она требуетъ съ пьянымъ крикомъ. Когда они разстанутся и мнѣ передадутъ объ этомъ, я тупо посмотрю на говорящаго и возмущенно скажу:

— Ну, что вы говорите... При чемъ здѣсь эта пѣвица... Я по личному опыту знаю, что такія женщины могутъ очень хорошо и нѣжно любить... Онѣ очень привязываются къ неопытнымъ чистымъ натурамъ. И наоборотъ.

Арк. Буховъ.

Г А П К А.

Не люблю я вашихъ спаленъ,
Ароматныхъ, безвоздушныхъ,
Гдѣ одинъ изъ двухъ печаленъ,
Гдѣ среди рѣчей ненужныхъ
Мало любятъ, мало спятъ...

Развѣ можно быть счастливымъ
Въ нѣжномъ кружевѣ постели —
Съ подозрѣніемъ ревнивымъ,
Съ вопрошающимъ безъ цѣли
Взглядомъ, мучающимъ взглядъ?

То ли дѣло закатиться
Къ милой Гапкѣ! За деревней
Сладкихъ усть ея напитокъ
И къ постели древней-древней
Увести ее подъ стогъ...

Чтобы бездна голубая
Поглотила безъ вопроса,
Чтобы видѣть, засыпая,
Руки въ золотѣ навоза
И румянецъ бѣлыхъ ногъ...

Ал. Вознесенскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Судороги.

Теперь мы должны ожидать новой сенсационной фильмы (400 метр., научная): „Ловля вороновъ въ Скандинавіи“...

Изъ Христианіи сообщаютъ:

Въ Скандинавіи возникъ новый промыселъ — охота на молодыхъ воронъ, на которыхъ появился большой спросъ въ Германіи, гдѣ ихъ употребляютъ въ пищу.

Плагать нѣмцы за воронъ по маркѣ за штуку.

Раньше мы читали: „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру“.

Такъ легко и миръ проворонишь...

У Эрдгара По есть поэма подъ названіемъ: „Воронъ“. Пусть у него спроситъ Германія — побѣдитъ ли она? Что каркнетъ ей воронъ?

Разныя головы.

Надо отдать справедливость австрійцамъ: людей цѣнить они умѣютъ:

Австро-венгерское правительство вчера назначило премію въ размѣрѣ 50 тысячъ кронъ за голову бывшего черногорскаго военного министра ген. Вешовича.

— А интересно, — сказала Францъ-Иосифъ, подписывая этотъ документъ, — сколько союзники назначили за мою голову?

— Что вы! — тонко замѣтилъ министръ. — Они и не надумаютъ этого сдѣлать: имъ гораздо выгоднѣе, чтобы она была у васъ на плечахъ...

— Я васъ не понимаю, — вскинулъ на министра глаза Францъ-Иосифъ.

— Еще бы, — вѣжливо подтвердилъ министръ...

Жажда неутолимая.

Отечественная промышленность процвѣтаетъ

— Приказомъ градоначальника аптекарскій магазинъ Рубашева за производство продажи зубного элексира для распитія закрыть.

Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и придется окрашивать каждое фабричное заведеніе особо.

— Вы что тутъ, кажется, купоросъ приготавливаете?

— Да помаленьку. Свинцовой примочкой тоже занимаемся.

— Пожалуйста, пожалуйста. Только безъ питья. Ихняго брата допусти до купороса — трезваго человѣка не сыщешь...

Конферансье.

Одна газета сообщаетъ:

Намъ доставлена визитная карточка: на которой значится: „И. Л. Глушковъ. Конферансье торговаго дома“ (слѣдуетъ названіе фирмы, торгующей обувью).

Собственно говоря закрытіе обувныхъ магазиновъ при появленіи таксы такой злободневный скѣтъ, что присутствіе конферансье — вещь не бесполезная. Тѣмъ болѣе, что передъ закрытыми дверями магазиновъ всегда накапливается приличное количество недоумѣвающихъ зрителей.

Трудности великосвѣтской жизни.

Si non e vero — какъ говоритъ пословица — зато складно придумано.

Въ одной петроградской газетѣ сообщается о такомъ фактѣ, не имѣющемъ никакого общественнаго значенія:

„Вчера въ одномъ изъ театровъ миниатюръ публика обратила вниманіе, что въ зрительномъ залѣ находятся 8 факельщиковъ.

Такое многочисленное сосѣдство представителей похороннаго бюро испортило настроеніе нѣкоторымъ зрителямъ, которые ушли изъ театра еще до окончанія спектакля.

Присутствіе же въ театрѣ такого числа похоронныхъ дѣлъ мастеровъ объяснилось слѣдующимъ образомъ.

На сценѣ этого театра въ этотъ вечеръ шла пьеса изъ великосвѣтской жизни. По ходу дѣйствія великосвѣтскіе исполнители должны были щеголять въ цилиндрахъ. И вотъ Епишкинъ, по экономическимъ соображеніямъ, рѣшилъ взять на прокатъ цилиндры у факельщиковъ „сосѣдняго съ театромъ похороннаго бюро“.

Насколько намъ извѣстно, факельщики ходятъ въ бѣлыхъ цилиндрахъ. Даже въ самой широкой великосвѣтской жизни никто въ бѣлыхъ цилиндрахъ не ходитъ. Если авторъ этого сообщенія собирается начинать великосвѣтскую жизнь, горячо рекомендуемъ ему поразспросить о туалетахъ. Могутъ выйти большія неприятности.

Въ дипломатическомъ мірѣ.

Газеты сообщаютъ о кое-какихъ перемѣнахъ въ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Такъ, пишетъ „Рѣчь“:

Занимавшій ранѣе должность перваго секретаря миссии въ Стокгольмѣ, числившійся въ послѣднее время въ отпуску, баронъ Л. Р. Розень, противъ котораго раздавались нападки съ трибуны Гос. Думы, покидаетъ службу въ дипломатическомъ вѣдомствѣ.

Мы не понимаемъ, о какихъ нападкахъ говоритъ газета. Было только сдѣлано заявленіе, что родной братъ русскаго дипломата сражается въ рядахъ германской арміи, да и то, кажется, не противъ нашихъ союзниковъ, а только противъ насъ. Краткія біографическія данныя — не полемика.

Всеобщая мобилизація.

Повидимому, Австрія готовится къ чему-то очень серьезному, если только газеты не обманываютъ насъ. Соб-

ственный корреспондентъ „Вечерняго Времени“ пишетъ, что въ

Турнъ-Северинъ Австро-венгерскія военныя власти обратились къ сербскому населенію съ призывомъ, въ которомъ говорится, чтобы всѣ хозяева по полученіи повѣстки немедленно предъявили бы своихъ собакъ 11, 12, 13, 15 и 18 сего мѣсяца на ближайшую желѣзнодорожную станцію. Всѣ собаки, годныя нести военную службу, будутъ немедленно отобраны отъ владѣльцевъ за плату.

Интересно, что будутъ дѣлать австрійцы съ собаками, признанными негодными къ несенію военной службы — отправлять ли ихъ въ тылъ для полевыхъ работъ, или замѣщать ими вакантныя нестроевыя должности?

Ужасъ большого города.

Въ Петроградѣ, какъ извѣстно, на трамвайный пятакъ набавлено еще столько же. Мѣра эта большого энтузіазма не вызвала. Вся печать отнеслась къ этому болѣе чѣмъ сухо, но рекордъ предусмотрительности все же побилъ „Петроградскій Листокъ“, который помѣстилъ слѣдующее письмо:

М. г., г. редакторъ!

Въ одной изъ газетъ приведены слѣдующія слова московскаго профессора М. А. Членова:

„Ростъ проституціи увеличивается сильнымъ темпомъ. Это фактъ, настолько бьющій въ глаза, что о немъ говорятъ теперь повсюду. Я указывалъ на главныя причины такого явленія: непомерное вздорожаніе жизни душитъ бѣдноту и бросаетъ женщинъ въ грязь порока, на первыхъ порахъ прибыльнаго“.

Стопроцентная надбавка на трамвайный тарифъ, несомнѣнно, и тутъ сыграетъ въ руку разврата: бѣдной женщинѣ негдѣ добыть пятаковъ, а вѣдь въ рублѣ ихъ двадцать, далеко ли до разврата? Франтиха кокетка, чтобы имѣть шляпку въ 50 руб., поѣдетъ за деньгами на Острова. Бѣдная женщина, чтобы имѣть трамвайныя деньги, выйдеть на Лиговскій бульваръ.

Сказано твердо. Бѣдная русская женщина, у которой такіе защитники

Нѣтъ, все-таки лучше обвинить столичную думу въ игнорированіи интересовъ населенія, чѣмъ въ вовлеченіи въ развратъ. Первое доказательнѣе.

Рис. А. Радакова.

НЕ КОММЕРЧЕСКІЕ ЛЮДИ.

— Какіе глупые эти бѣдняки! Брали бы съ собой розовыхъ, нарядныхъ, хорошенькихъ бѣби, а такимъ грязнымъ уродамъ кто же подастъ.

Рис. Мисс.

ЮНОСТЬ НЕРАЗУМНАЯ.

По поводу картины сей, въ аппаратахъ графа де-Бонкура висѣвшей, нѣкій важный гость мечтательно замѣтитъ изволилъ:
— Сей фонтанъ обладаетъ счастьемъ бить водой при такой прелестницѣ. Оному фонтану завидую.

Юноша влюбленный, при сей бесѣдѣ присутствовавший, разсѣянно произнесъ:

— Негодяй... Развѣ можно драться при женщинѣ. Даже водою.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Въ Троицкомъ фарсѣ нѣтъ надписи на стѣнахъ: „Плывать строго воспрещается“. Это большая ошибка, потому что послѣ каждаго дѣйствія „Нашей содержанки“, публика начинаетъ плеваться до головной

боли. Если бы Шмаковъ, Меньшиковъ или Булацель попали на этотъ фарсъ, они были бы вынесены за мертвое — такъ сильно дѣйствуетъ на организмъ чувство бѣшеной зависти. За всю свою жизнь имъ троимъ вмѣстѣ не удалось написать даже сотой доли такой похабно-юдофобской прелести, котѣрую просмаковалъ авторъ фарса.

— Послушай же, — беру одну изъ остротъ фарса, — у тебя любовникъ Володя? А можетъ быть, у тебя двѣ Володи?

Другой герой рассказываетъ:

— Таки я забѣгнулъ къ Шеншелевичу и расскажу ему уфѣ всю исторію. Онъ такъ смѣялся, что — (вынимаетъ часы и смотритъ) сейчасъ онъ, навѣрное, уже лопнулъ.

Говорятъ, что пьеса написана однимъ журналистомъ, какъ шаржъ на одного банкира. Искренне завидую банкиру: если бы у меня всѣ враги горделиво носили на плечахъ кусокъ кирпича, вымазаннаго саломъ, вмѣсто головы — я бы могъ спать спокойно.

* * *

Въ Америкѣ нашимъ танцорамъ платятъ за ихъ искусство хорошія деньги. Въ Петроградѣ бываютъ такія положенія, что артистамъ приходится платить самимъ режиссерамъ за танцы.

Въ „Луна-Паркѣ“ артисты Кошевскій и Монаховъ были на-дняхъ оштрафованы г. Брянскимъ на 50 рублей за вставную отсебятину въ видѣ долгаго танца на сценѣ.

Г. Брянскаго возмутило, навѣрное, нарушение цѣнности впечатлѣнія отъ оперетки.

— Позвольте... Вы же профанируете искусство... Кошевскій долженъ въ это время мяукать кошкой, а Монаховъ вылѣзть изъ мѣшка, а вы танцуете...

— Да, вѣдь, публика же смѣется... И весело вышло.

— Вы попрали святое искусство оперетки. И попрали рублей на 100. Заплатите.

— Ну, попрали, такъ попрали, — сказали Монаховъ и Кошевскій. — Получите.

Если въ опереткѣ будутъ штрафовать за танцы, опернымъ артистамъ грозитъ большое горе: ихъ будутъ штрафовать за пѣніе. Въ драмѣ — за разговоръ.

— Позвольте — да вѣдь я же по роли говорю...

— Ну, поговорите часъ, два, а то вы всѣ четыре дѣйствія со своими разговорами вмѣшиваетесь... Дайте и другимъ поговорить...

— Да я же не могу...

— Въ первомъ дѣйствіи вы влюбиться можете? Во второмъ дѣйствіи жениться можете? Въ третьемъ — измѣнять можете? А помолчать — на это васъ и на одно дѣйствіе не хватитъ...

* * *

„Петр. Листокъ“ увѣряетъ, что въ обзорѣнн „Пли“, идущемъ въ одномъ изъ лѣтнихъ театровъ, острятъ такъ:

— Вамъ что прикажете: чай или кофе?

— Кофе.

— Со сливками?

— Нѣтъ, безъ сослировокъ!

Такие театры надо закрывать не въ 11 часовъ ночи, а еще раньше. Съ утра.

Т. К.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Москва.

Попову. — Зачѣмъ это, Поповъ?

„Бродитъ бѣдная овечка,
И тоскуетъ, и мятется,
Ищетъ-ищетъ человѣчка,
На кого бы опереться...
Брось, голубка, быть овечкой!
Образумься! Стань козкою!
И тогда отъ человѣчкова,
Вѣрь, не будетъ и отбою.“

У васъ не вѣрное представленіе о жизни. Будь вы самой породистой изъ козъ — ангорской, мы все равно не прельстились бы вами, какъ сотрудникомъ.

Б. Провинція.

Дѣйств. армія. Поруч. Ф. и вольноопр. З. Мы ничѣмъ не виноваты, что вамъ въ окопахъ тяжело отъ военныхъ разсказовъ въ журналахъ. Намъ и въ тылу не легко. Есть только одинъ выходъ: считайте ихъ юмористическими. Станетъ легче.

Арк. Б.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

МАШИН. в Праг. Вѣстн. 1915 г. № 226.

ФИРМА
ОСНОВАНА ВЪ 1903 г.
УДОСТОВЕНА ВЪСШИХЪ НАГРАДЪ
НА ВЫСТАВКАХЪ
ВЪ ПАРИЖИ, ЛОНДОНѢ, БРЮССЕЛѢ,
ФЛОРЕНЦІИ и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ
СЪМЕННОХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюдений высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

Вышла въ свѣтъ „ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“.

обработанная сатириконтцами:
Арк. Аверченко, Осипомъ
Дымовымъ и Тэффи.

Съ иллюстраціями:
Ре-ми, А. Радакова,
А. Яковлева и А. Юнгера.

Цѣна 1 р. 50 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ „TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX 10 шт. отъ 40 к. — 1 р.
KNE DIVE 10 шт. отъ 20 к. — 60 к.
CLASSIO 10 шт. отъ 20 к. — 60 к.
АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ фунтъ отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

ЯКА 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.
„САФО“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.
„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

Т-во А. Ж. Богдановъ и Ко.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫМЪ КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА. БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ.

новая книга:

„Теплая Компания“

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Текстъ: — Арк. Аверченко,
Вл. Азова, А. Бухова,
О. Л. Д'Ора и Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Отъ издательства.

Вышло въ свѣтъ 4-е изданіе книги

„Сатириконтцы въ Европѣ“.

Изданіе обильно иллюстрировано.

Ал. Вознесенскій.

Путь Агасѣера.

Книга стиховъ съ предисловіемъ Леонида Андреева.

Изданіе второе. Цѣна 1 р. 25.

Изд. „ШИПОВНИКЪ“, Петроградъ, Николаевская, 31.

ПАПИРОСЫ

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатириконтца“ вѣщаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

БОРЬБА СЪ РОСКОШЬЮ.

- Какое у вас, барышня, громадное декольте...
- Это, Аннушка, единственная отфелка для платья, которая не вздорожала.